

Александр СТОЛЕТОВ

11

Великие умы России

Полина Чех

Александр Столетов

«ИД Комсомольская правда»

2016

Чех П.

Александр Столетов / П. Чех — «ИД Комсомольская правда»,
2016 — (Великие умы России)

ISBN 978-5-4470-0202-2

Что противоборствует науке? Невежество? Лженаука? Бюрократизм. Именно он тормозит все живое, заставляя его снова и снова возвращаться к листочкам и подписям. Это противоборствование – проблема не только нашего века. То же самое было и при царской России и даже усугублялось реакционерами и поборниками царизма, преследовавшими все передовое и новое. Жизнь Александра Григорьевича Столетова – одно из самых ярких тому подтверждений. Открыватель первого закона фотоэффекта, исследователь намагничения железа и электрических явлений в разряженных газах, блестящий теоретик и практик, известный по всему миру, популяризатор науки, основатель первой школы русских физиков и создатель первой российской учебно-исследовательской физической лаборатории – он всю жизнь испытывал на себе травлю реакционной части профессуры Московского университета и сторонников царской власти. Эта книга для тех, кто хочет проследить за реальной и захватывающей борьбой между движением вперед и силами, которые отчаянно толкают назад.

ББК 70

ISBN 978-5-4470-0202-2

© Чех П., 2016

© ИД Комсомольская правда, 2016

Содержание

Детство	6
Студент	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Полина Чех
Александр Григорьевич Столетов
29 июля (10 августа) 1839 – 15 (27) мая 1896

Серия «Великие умы России»
Редактор серии Владимир Губарев

© АНО «Ноосфера», 2016 год.

© ИД «Комсомольская правда», 2016 год.

* * *

Детство

1839 год. В желтом двухэтажном каменном купеческом поместье во Владимире на стене висит календарь. В нем отец семейства Григорий Михайлович Столетов записывает различные события, погоду и даже свои сны. В конце июля, прямо под толкованием снов: «первый сон – справедливый, второй – скоро сбудется и при том в радости, третий сон – пустой», появляется короткая заметка: «1839 год, 29 числа сего месяца, в 11 часов ночи родился сын Александр».

Александр Григорьевич Столетов

Род Столетовых жил во Владимире с очень давних времен. По одной из версий, Столетовы прибыли в город в XV в., куда их сослали из Новгорода. «Того же лета князь великий перевел из Великого Новгорода в Володимир лучших гостей Новгородских пятьдесят семей», – пишут в летописи.

По другой, более масштабной версии, в 1489 году семь-восемь тысяч бояр и купцов были сосланы во Владимир-на-Клязьме, Нижний Новгород, Кострому, Муром и другие города по обвинению в заговоре.

В третьей версии говорится, что, когда Иван Грозный вел тяжелую войну с Турцией и крымскими татарами, он получил донесение, что в Новгороде организовалась сильная группировка, выступающая за присоединение к великому княжеству Литовскому. Грозный прибыл туда и учинил расправу над изменниками. Кара его обрушилась на головы духовенства, купечества и приказных людей. Многих сослали в другие города. Среди них оказались купцы Столетовы.

Так или иначе, похоже, бунтарство и неповиновение царизму было у Столетовых в крови. Как и долголетие – ведь, по преданию, они отличались тем, что доживали до весьма преклонного возраста, за что и получили прозвище «столетовых».

Саша, один из шестерых детей Григория Михайловича и Александры Васильевны, растет общительным и жизнерадостным вопреки слабому здоровью. «Он был очаровательным ребенком», – сказал К. А. Тимирязеву один из тех, кто знал его в детстве. Деятельного и веселого, его любит вся семья, особенно мать, у которой он был любимцем. Саша отдает это обожание с лихвой – до самых последних лет он, как может, помогает родственникам, на рождественские, пасхальные и летние каникулы приезжает домой и постоянно поддерживает связь с братьями и сестрами.

Мать Александра Васильевна Столетова

Отец Григорий Михайлович Столетов

Будни семейства проходят в атмосфере уюта и взаимопомощи. Старший сын четы Столетовых Василий в свое время не пошел в университет, чтобы помогать отцу, стал купцом и теперь всей душой стремится к тому, чтобы у младших было достойное образование. Саша по многу часов проводит возле второго брата – Николая, своего лучшего друга и наставника, в ту пору студента Московского университета. Николенька подбирает книги для мальчика, самостоятельно овладевшего чтением уже в пять лет, и учит его языкам. Получив работу по переводу книги, Николай просит его отыскивать в словаре нужные слова, а вечерами заставляет пересказывать свои уроки на французском. Бойкий мальчик схватывает все налету и незаметно для себя овладевает новым языком. Позже он выучивает еще и немецкий и английский.

Наблюдая за тем, как старшая сестра Варя сидит за роялем, Сашенька тоже начинает тайком музицировать. Он даже подумывает над тем, чтобы стать профессиональным музыкантом. И вот Саша уже может играть на слух и самостоятельно настраивать инструмент. Однажды за этим занятием его ловит учитель Вареньки, и с тех пор Саша тоже берет у него уроки. Музыка становится верной спутницей Александра на всю жизнь – после тяжелой лекции или напряженных опытов в лаборатории он частенько будет отдыхать за роялем.

Братья и сестры Столетовы

Сам Саша, в свою очередь, становится учителем для младших сестер и брата. В их глазах он – непрекаемый авторитет. «Если бы Саша сказал, что в какой-нибудь книге я не должна читать какой-нибудь страницы, я на эту страницу и не взглянула бы», – рассказывала его младшая сестра Аня.

Семья Столетовых очень любит русскую литературу, особенно сочинения революционных демократов. Из года в год они выписывают передовые журналы и газеты, зачитываются Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, Островским, Салтыковым-Щедриным, Радищевым, Белинским, Герценом, Чернышевским, Некрасовым, Шевченко.

Столетовы

Аня пишет в своем дневнике: «Читаю в „Современнике“ „Растение и его жизнь“. Это очень хорошо, только мне много попадает латинских названий. Я помню, летом Саша мне читал некоторые места из этой книги, он также много рассказывал о разных деревьях и цветах, которые растут в разных далеких от нас местах, как, например, в Африке, в Америке. Митя не любит так обо всем говорить. Я часто вспоминаю далекие прогулки с Сашей, его умный, увлекающий всякого разговор. Как бывало выйдем за заставу, он вынет какую-нибудь книжку и начнет читать вслух, например, Тургенева „Записки охотника“. Он очень хорошо читает стихи, читал он мне „Анчар“ Пушкина, удивительно как хорошо».

Братья Столетовы: Василий, Николай, Александр и Дмитрий

Наделенный хорошей памятью, Саша с легкостью выучивает любые стихотворения, с выражением декламируя строки из «Хаджи Абрека» Лермонтова. Мальчику очень нравятся журналы с картинками – каждый раз, когда учитель семинарии Соколов, живущий у Столетовых в доме, получал иллюстрированный номер «Живописного обозрения», Саша выпрашивал его, а потом подолгу листал у себя в комнате разрисованные страницы. Даже в последние годы Александр в шутку говорил своим родным: «Хоть бы на Сухаревке отыскать эти номера „Живописного обозрения“, которые доставляли мне такое наслаждение!»

Помимо того, что Соколов снабжает детей журналами, он прилагает все усилия, чтобы развить их стремления, поощряет их. Когда Саша увлекается гербарием, Соколов дает ему

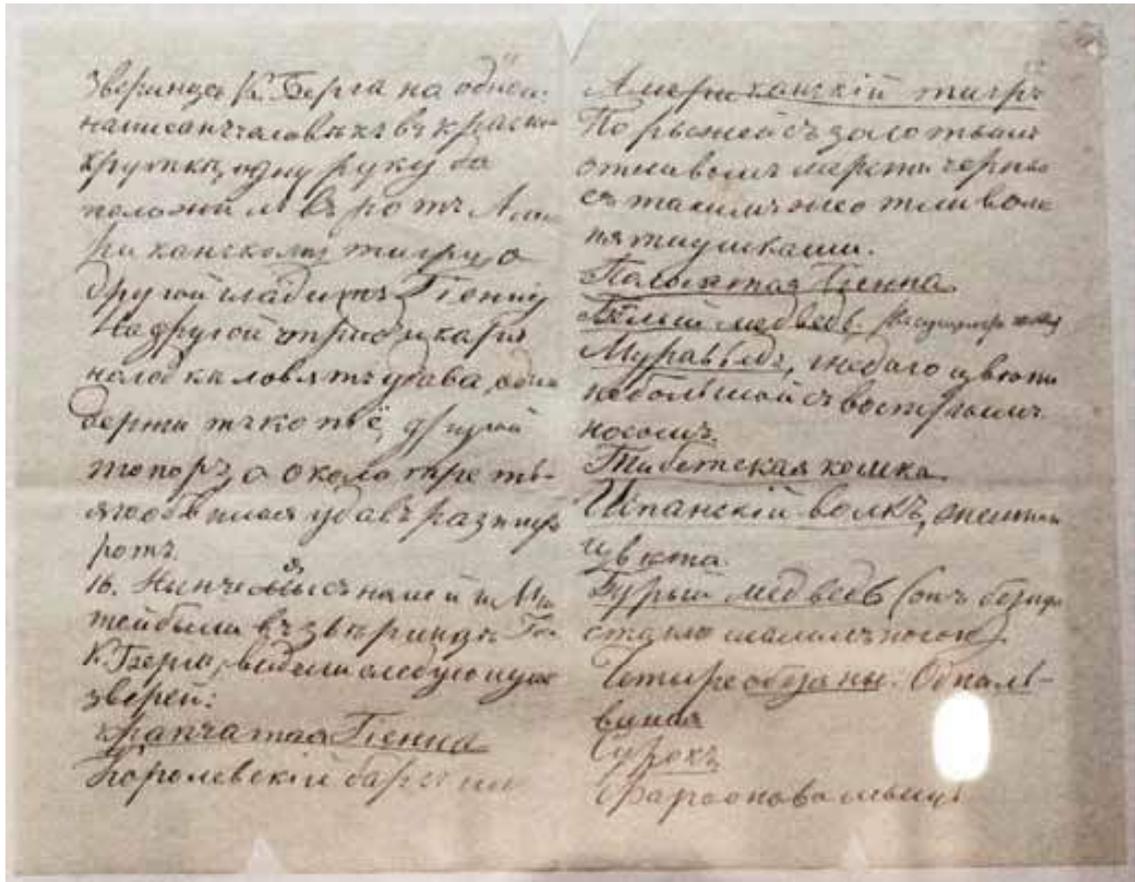
множество книг по ботанике. А когда Николенька начинает закаляться в проруби и увлекается историями про генералов – Соколов все больше приобщает его к истории.

Соколов, учитель семинарии

Под влиянием классиков Александр сам пробует себя в литературе – в девятилетнем возрасте заводит дневник, пишет стихи на все выдающиеся события семейной жизни: к именинам родителей, к появлению нового фортепиано и т. д. С ними связана и единственная ссора в дружном семействе. Старший брат без спроса взял тщательно скрываемые рукописи Саши и стал громко их декламировать, вышучивая автора. О нанесенной обиде Саша пишет в дневнике, но она очень скоро забывается.

«Памятная книжка» – так называет Александр свой дневник. Он ведет его аккуратно, без пропусков, даже во время болезней – в такие дни под диктовку пишет мать. Первые сделанные скорописью записи довольно кратки, за исключением самых ярких и памятных для мальчика событий: приезда зверинца Берга на гастроли во Владимир, больших званых вечеров и т. д., но уже в одиннадцать лет Саше хочется рассказать на бумаге гораздо больше – он описывает природу, город и события его жизни. Изредка доносятся вести из далекого мира, который станет потом роднее Владимира. «Полицмейстер рассказывал, что в Московском университете 50 студентов разжаловали в солдаты», – помечает мальчик.

Дневник Столетова

Интересно, но о своих успехах в школе Саша пишет мало, хотя учится он на отлично. Им он едва уделяет пару строк, периодически пометая коричневыми чернилами: «У нас был экзамен по русскому языку. Я получил 5 баллов», «Был экзамен по французскому языку и математике. Мне по обоим предметам поставили по 5-ти баллов», «Был экзамен по немецкому; я получил 5 баллов», «Был шестой и последний экзамен по географии; я получил 5 баллов и тем окончил экзамены».

Можно ли догадаться о будущих пристрастиях мальчика по его дневнику? Едва ли. Лишь время от времени попадаются намеки на то, чему будет посвящена вся его жизнь. «Сегодня утром забавлялся, взвешивая у маменьки на весах разные вещи», – пометает он. На другой странице Саша рассказывает, как со своим товарищем мастерил часы из свинца.

В гимназию Саша поступает в десять лет.

Столетов-гимназист

В то время гимназии, семинарии и другие учебные заведения царской России стремятся подготовить людей, преданных самодержавию и православию. Широко практикуются телесные наказания: за малейшие провинности учеников ставят на колени, сажают в карцер, оставляют без обеда, бьют розгами. «Эти наказания употреблялись смотря по важности преступления», – записывает Саша.

Но тем не менее многие учащиеся даже под страхом наказания тайком читают революционную литературу и журналы, а то и составляют свои собственные. Так же поступает и Александр. В четвертом классе он вместе со своими приятелями начинает издавать рукописный «Сборник, журнал на 1853 год, издаваемый гг. Ильинским, Грязновым и Столетовым». Под заголовками в русском готическом шрифте мальчики высмеивают произвол чиновников, тупость некоторых учителей и ненавистные порядки гимназии. Появилось всего две тетради, по 11 листов в каждой.

Сборник открывает написанная редактором Столетовым повесть «Жизнь и похождения Агафона Ферапонтовича Чушкина». Как помечает автор «это огромное описание бурного странствования по житейскому морю».

Сборник Столетова в гимназии

Все описание пронизывает глубокая ирония. Она сквозит даже через описание дяди осиротевшего Ферапонта: «Дядя мой был человек якобы приказный; служил в совестном Суде (который, к слову пришлось, вернее нужно было назвать бессовестным), любил брать взятки, или, как говорил, благодарственные приношения неимущему от доброхотных дателей, за что и был один раз под судом».

В повести высмеиваются порядки гимназии: «У нас в школе, как и во всем мире, все имело философию и политику. Сторожа, ученики, учителя – все вообще действовали согласно своим интересам. Начиная с последнего сторожа, который отпускал домой оставленного без обеда лентяя, если тот давал ему пятак серебра или гривну на водку, до смотрителя, этого важного для нас лица, но немилосердно гнущегося и унижающегося в присутствии директора или ревизора – все жило на расчетах».

Мастерски описывает Александр приезд ревизора в гимназию: «Приезд ревизора знаменовался всегда необыкновенными происшествиями. В это время смотритель собирал ясак дичью и телятиной со своих учеников. Всякому вменялось в обязанность принести с собой петуха, курицу, кувшин молока, окорок или что-нибудь подобное. Всеми этими приношениями снабжали на всякий случай ревизора для утешения его гнева. Это делалось также с политикой: смотритель приносил ревизору сперва маленькую толику и потом, если тот еще бушевал, постепенно прибавлял ему, пока наконец блюститель закона, искушенный свежей дичью и сладким молоком, утешал свое правосудное негодование. Если же он был не очень сердит и сразу поддавался, то весь остаток принадлежал смотрителю. Таким образом, смотритель удобрял ревизора, как земледелец – рыхлую почву, и он беспрекословно поддавался на эти хитрости».

Убийственную характеристику дает автор и зрителю: «Ученикам он давал наставления самым поучительным тоном. Вообще он был с каким-то первобытным характером: любил более всего порядок; резвых мальчиков, не говоря уже про шалунов, терпеть не мог. Он всегда хотел, чтоб ученики, бывшие не старше 15 лет, думали, говорили и поступали по-книжному; ему нравилось, если ученик походил более всего на автомат, нежели на человека, одаренного разумом и волей; он любил, если ученик, приличным образом откашлянувшись, затягивал дьячковским напевом: „История в некотором смысле, при взгляде на сию науку, представляет...“ и пр. Он особенно не жаловал, когда кто рассказывает урок своими словами, и, напротив, очень любил тех, которые, безусловно следуя книге, беспристрастно повторяли: дабы, сей, оный, поелику и т. п. Сердце его радовалось и душа веселилась, когда он слушал такую речь. Сам же он, изъясняя свои мысли, так и сыпал „сими“ и „оними“».

С большим сарказмом высмеивает Столетов и учителей: «Учитель математики... был положительно глуп. Ходил очень скоро, а писал на классной доске и говорил еще скорее, словно боялся опоздать. Что же он, бывало, говорит, решительно невозможно было разобрать. Лицо у него было очень глупое, волосы черные, вечно растрепанные, черные огромные брови почти сошлись. На его физиономии ясно были начертаны знак вопроса и удивления. Он был всегда как спросонок, беспрестанно хлопал глазами и вертел головой. Учитель Закона Божьего был седой старик, священник, недалекого ума (чем отличалась вся школа)... Учитель русской грамматики был пресмешной человек. Он говорил медленно, произносил слова так, как они пишутся, и в заключение всего этого прибавлял к каждому слову „можно сказать и помалости“. „Что за дурак, – говорил он, – можно сказать, ничего не знает; хотя что-либо помалости ответил“... Учитель латинского языка до крайности любил выражаться по-русски латинским слогом. Он сам ничего не понимал из того, что приказывал учить, и любил, если ученик, ничего не понимая, прелихо отзубрит ему какой-нибудь супин и начнет городить такую чушь, что того и гляди замерзнут уши».

В школе вместо дневника из-под пера пятнадцатилетнего юноши выходит серия рассказов под общим названием «Мои воспоминания»: «Поездка в Касимов», «Свищовы и Меги», «Полоцкая тетушка». Как потом справедливо заметил профессор Московского университета А. П. Соколов, в них уже тогда проявляются черты, присущие всем последующим взрослым трудам Столетова: «сжатость и ясность слога, меткость определений и тонкий юмор, поражает также и необычайная в его возрасте начитанность в русских писателях». Перед каждым рассказом стоит удачно подобранный эпиграф из любимых будущим ученым произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя и других писателей.

Иногда в своих рассказах он бывает необычайно лиричен: «День склонялся к вечеру. Дорога, вьющаяся необозримой лентой, синеющий лес и песня ямщика, всегда унылая и прерываемая его беспрестанными обращениями к лошадям, причем он дарил им более или менее приличные эпитеты, – все это мне нравилось; всю эту поэзию дороги я испытывал еще в первый раз».

Но такая лирика не в стиле автора, он тут же иронично одергивает себя: «Ух! Как поэтически я разболтался». Его описания в основном шутивы. Рассказывая о комнате в гостинице, Саша подмечает: «только, кажется, и были в ней: – у одной стены диван, обитый лопотопной кожей, а у другой, противоположной, – печальная, обнаженная и вовсе не призывающая ко сну кровать. Нападение клопов и всякого рода насекомых на этот раз было еще не сильно». А вот описание Бутылицкой станции, созданное почти в гоголевской манере: «В комнате стоял стол, покрытый какой-то сальной хламиной. На нем находился изломанный подсвечник с огарком самой мизерной величины. На окошке чайник с чаем или, лучше сказать, с настоем какой-то неизвестной травы, ссохшейся, видно, с незапамятных времен. Под окошком стоял розовый диван, ничем не обтянутый, должно быть, для большей мягкости».

Но Александр не полностью становится прозаиком, он по-прежнему пишет стихи. Вот одно из них:

«Увы! Вакансия прошла,
Пришел экзамен наш годичный,
Теперь за целый год дела
Представим мы на суд публичный!
Увы! Вакансия прошла,
И как она, прошед в весельи,
Нам показалась мала.
А тут опять за то ж засели!
Прошли гулянье и игра,
Прошло то время золотое,
Теперь опять пришла пора
Не знать ни игор, ни покоя.
Экзаменов обычный срок
Пройдет и... Милосердный боже!
Опять мы сядем за урок
И целый год долбим все то же
Теперь по-прежнему страдать
Пришла пора, настало время,
И мы должны уже опять
Нести ученой жизни бремя».

А вот один из сочиненных анекдотов, довольно смелый для тех времен:

«Один помещик опрашивал крестьянина новостей о своей земле и, между прочим, спросил: „Столько ли там дураков, как и прежде?“ – „Нет, нет, сударь, – ответил крестьянин, – как вы там жили, так больше было“».

Уже в гимназии Саша отрицательно относится к классовым порядкам в обществе. Детей он делит на две группы – выходцы из верхушки общества и дети из низов. Сам он, относясь ко второй группе, не жаловал «маменькиных сынков». «У нас были, – пишет он, – еще особого рода ученики – это аристократы. Таковыми считались дети судьи, городничего, исправника и т. п. С этими господами каждый школьник положил себе за правило не связываться. Эти ученики составляли какую-то независимую, отдельную нацию. Никто не входил с ними в короткое знакомство; они не мешались в школьные игры и шалости, и, по словам одного ученика, недостойны были называться школьниками».

Конечно, не все во Владимирской гимназии так беспросветно, не везде царствуют реакция и скудоумие. Здесь есть и умные, передовые люди. Так учителем физики у Саши становится Бодров, человек, горящий своим делом, и эту черту он умеет привить своим подопечным. Он дает мальчику множество книг по физике и математике, открывавших абсолютно новый, неизведанный мир, и Саша с увлечением снова и снова повторяет физические опыты дома. Это и определяет весь его дальнейший жизненный путь.

Как и Николенька, Александр оканчивает школу с золотой медалью. Вот-вот сбудется его мечта – поступить в Московский университет на физико-математический факультет, который окончил Николай.

И вот юноше вручают свидетельство – его золотой билет в будущее: «От директора училищ Владимирской губернии дано сие свидетельство окончившему курс во Владимирской гимназии из купцов Александру Столетову, желающему поступить в число Императорского Московского Университета, в том, что он журналом Совета гимназии 16 июня сего года признан

окончившим Гимназический курс с предоставлением права на поступление в Университет без вторичного экзамена и с награждением за отличные успехи в науках и благонравие золотой медалью».

Саша переезжает в Москву.

Студент

Осенью 1856 года к дверям библиотечного корпуса Московского императорского университета подходит красивый юноша и поднимает серые глаза, вглядываясь в окна на четвертом этаже.

Ему не дает покоя мысль, что он будет жить в месте, где Белинский еще студентом читал товарищам свою знаменитую пьесу «Дмитрий Калинин», дышащую революционным запалом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.